

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВОГО ИММУНИТЕТА В УСЛОВИЯХ ДЕСТРУКТИВНОСТИ РЕЧЕВОЙ СРЕДЫ

Язык является одним из ведущих индикаторов развития личности: именно в речи человек «проговаривается» (М. Хайдеггер) [Хайдеггер; 127], манифестирует собственный уровень образованности и «культурологической компетентности» (В.Л. Бенин). Однако, несмотря на то, что современный человек имеет практически неограниченные возможности для самоактуализации и самосовершенствования, в жизненном и образовательном пространстве стремительно снижается ценность языка, нарастает деструктивность речевой среды.

Под воздействием средств массовой информации, современной литературы, публичных выступлений известных политиков и деятелей культуры сквернословие и ненормативная лексика все чаще проникают в речь даже образованных людей. Слова, ранее используемые исключительно представителями отдельных субкультур, стали частью повседневного дискурса. Агрессивные языковые агенты причиняют психологический вред личности, поскольку речь человека отражает и формирует его отношение к окружающему миру («речь опосредована» – М. Хайдеггер).

Так, социокультурные трансформации, динамично протескающие в современном обществе, привели к переориентации в ценностях, что находит непосредственное отражение в языке как сложной семиотической системе, универсальном средстве объективации содержания индивидуального сознания и культуры, национальной и личностной идентификации, объекте и средстве обучения.

Подчеркивая резкое увеличение негативных речевых девиаций, мы можем охарактеризовать речевую среду как деструктивную. Согласно словарному определению, деструкция (лат. *destruction* – разрушение) – это нарушение нормальной структуры, которое может происходить под внешним или внутренним воздействием и может быть направлено вовне, на внешние объекты, или внутрь, на самого себя. Этот термин мы встречаем в работах психологов А. Адлера (понимавшего под деструктивностью «агрессивное влечение»), В. Штекеля (писавшего о «проявления ненависти и наличии внутренней тенденции к смерти»), К.-Г. Юнга (утверждавшего, что либидо содержит в себе силы, направленные как на созидание, так и на разрушение). Э. Фромм, исследовавший этот феномен («Анатомия человеческой деструктивности»), связывал его с агрессией. По Э. Фромму, существует биологически детерминированная, «оборонительная агрессия», и

«злокачественная» — деструктивная [Фромм]. Последняя присуща только человеку и не порождается инстинктами. Автор утверждает, что она не нужна для физиологического выживания, хотя и представляет часть человеческой психики. Деструктивность рассматривается Фроммом как возможная реакция на психические потребности, укорененные в человеческой жизни, как результат взаимодействия различных социальных условий и экзистенциальных потребностей человека. Таким образом речевую деструктивность среды мы можем определить как наличие антропологически несоразмерных речевых конструкторов, обесценивающих человеческие отношения, несоответствующих продуктивным экзистенциальным потребностям человека в самоактуализации, затрудняющих развитие языковой личности в целом.

Питер Стоунли, вслед за Э. Тоффлером, утверждал, что деструктивность среды отражается в языке [Stoneley]. Автор заметил, что литературные произведения первыми откликнулись на изменения в отношении к миру ценностей. Он предположил, что деградацию более возвышенных ценностей можно было бы предотвратить, если бы язык не отражал и не содействовал изменению в иерархии ценностей общества [Stoneley; 3]. Стоунли убедителен в том, что язык, будучи связан с этической стороной жизни, может влиять на отношение людей к происходящим в обществе изменениям. Признавая ценность языка и речи, человек сможет противостоять воздействию речевой деструктивности среды. Но для начала необходимо перестать пассивно воспринимать информацию с внешних носителей, развить критическое мышление. Однако в реальности это трудно достигается в связи с тем, что многие образованные люди все шире используют сленг, жаргон и даже нецензурную лексику. Так, перед нами встает проблема, связанная с развитием способности личности понимать и принимать ценность нормы на основе критически рефлексивного отношения к динамичным языковым изменениям.

Заметим, что нарастание источников речевой деструктивности среды современные исследователи связывают со сменой парадигмы общества и личности, которая «позволяет более активно проявляться индивидуальности во всех аспектах, в том числе и в языковом», — так пишет В.Г. Костомаров в книге «Языковой вкус эпохи» [Костомаров; 49] и отмечает, что «в языке, как и во всем, изменилась норма дозволенности» [Костомаров; 69]. Таким образом, человек сам несет ответственность за собственное речевое поведение.

Умение противодействовать речевой деструктивности среды означает наличие у личности достаточно высокого уровня языковой компетентности, определяемой нами как совокупность способностей адекватного вос-

приятия чужой речи, распознавания интенций и модальности собеседника, оценивания чужой речи и, наконец, формулирования адекватного ответа с учетом социально-культурного контекста. Языковая компетентность как метакомпетентность представляет собой совокупность трех аспектов: смыслового (включающего адекватность осмысления ситуации в культурном контексте, то есть в контексте имеющихся культурных образцов понимания, отношения, оценки); проблемно-практического (обеспечивающего адекватность распознавания ситуации, а также адекватную постановку и эффективное выполнение целей, задач, норм в данной обстановке); коммуникативного (фокусирующего внимание на адекватном общении в ситуациях культурного контекста и по поводу таких ситуаций с учетом соответствующих культурных образцов общения и взаимодействия) [Белкин; 8].

Вне речи немислимо овладение общекультурными и профессиональными знаниями, развитие мышления, сознания. Речь взаимодействует с мышлением, и степень овладения речью непосредственно отражается на характере (уровне) мышления. Согласно Л.С. Выготскому и его последователям¹, высшие психические функции формируются прижизненно как осознаваемые формы психической деятельности. В их развитии как культурных психических процессов ведущая роль принадлежит знаковым системам; речь является ведущим психическим орудием, влияющим на развитие мышления и развивающаяся в зависимости от него. Согласно Выготскому, речь идет о достижении *теоретического* абстрактно-понятийного уровня мышления или сохранения наглядно-действенного, наглядно-образного, т.е. *эмпирического* уровня. Теоретический уровень мышления связан с владением понятийно-категориальным аппаратом любой области познания, ведь, следуя Л.С. Выготскому, язык науки, искусства – это язык понятий и категорий. Таким образом, в пространстве университета каждый студент, казалось бы, получает возможность достичь высшего уровня мышления, т.е. теоретического. Однако на практике этого не происходит.

Для того чтобы выяснить отношение студентов к языку и речи как феноменам культуры, мы провели письменный опрос. В ситуации нарастания речевой деструктивности среды мы хотели убедиться в понимании студентами ценности языка как базового символа культуры, средства коммуникации и социальной манифестации. Опрос был проведен на младших курсах различных факультетов. Студенты отвечали на три вопроса: 1) что такое язык?; 2) может ли речь характеризовать Вас как личность?; 3) как Вы оцениваете статус русского языка в современном обществе?

¹П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин

Группа студентов 1–2 курсов факультетов журналистики, социологии и политологии, математического, исторического, химического, биологического, философского и филологического факультетов отвечали на эти вопросы в свободной форме, поэтому получились небольшие эссе. Половина студентов определяет язык как средство коммуникации (49 %), не задумываясь об аксиологической функции языка. Примерно пятая часть респондентов (22 %) соотносит язык с культурой, определяет его как символ культуры и подчеркивает его роль в формировании истории нации, связи между поколениями. 21 % респондентов понимает роль языка для самоактуализации и самовыражения. Приведем характерные высказывания.

– «Язык – средство общения и взаимодействия между людьми в обществе» (П. Л., фак-т социологии и политологии).

– «Для меня язык – это возможность вступить в открытый диалог с другим человеком, передать свои мысли и чувства» (Г., философский фак-т).

– «Благодаря языку мы осознаем себя как единую нацию, преодолеваем барьеры между различными культурами» (А.П., филологический фак-т).

– «Язык дает возможность творить» (Д.К., биологический фак-т).

На вопрос о том, может ли речь характеризовать личность человека, большинство опрошенных ответили положительно (87 %).

– «В речи мы определяем собственные приоритеты и ориентиры» (М., филологический фак-т).

– «В каждом слове человека виден он сам, хочет он того или нет» (К.Д., философский фак-т).

Анализируя результаты этого задания, делаем вывод: студенты частично осознают значимость языка и речи в процессе формирования собственной личности. Однако мы считаем, что в ситуации нарастания источников речевой деструктивности среды необходимо уделять как можно больше внимания развитию языковой личности студентов и актуализировать проблему повышения культуры речи, в том числе в университетской среде.

Важно подчеркнуть, что согласно А.А. Реану, обладание языком приводит к возникновению новых возможностей [Реан; 97]: человек оказывается способным не только воспринимать реальность (когнитивная функция языка), отображать ее (экспрессивная функция), но и манифестировать себя в окружающем пространстве (метаязыковая и апеллятивная функции), что ведет к формированию творческого мышления и личного ментального пространства [Реан; 98]. Подобное мы находим у Дональда Дэвидсона, который через обращенность к Другому рассматривает проблему восприятия истины, языка и истории, подчеркивает, что «вербальное поведение непременно социально по характеру» [Davidson; 113]. В данном контексте будет продуктивным обращение и к Л. Витгенштейну,

который писал, что без социального контекста невозможно доказать неправильное или правильное употребление каких-либо слов в речи – это будет неправомерным. Дэвидсон склоняется к мысли о присутствии у человека личного языкового фильтра, который позволяет ему выбирать те или иные слова при разговоре. И полагает, что язык становится «полупрозрачным материалом, благодаря которому мир вокруг нас приобретает определенную окраску в зависимости от использованного нами языка» [Davidson; 127]. Можно сказать, что Дэвидсон связывает речь с «определенным умением» и «способом восприятия» [Davidson; 135]. Благодаря речи и языку личность создает собственный языковой код, при помощи которого общается с миром. В приведенных положениях названных исследователей мы прочитываем идею языкового иммунитета, столь необходимого сегодня человеку, особенно образованному.

Согласно словарю, слово «иммунитет» происходит от латинского «*immunitas*» – освобождение, избавление. Это способность живых существ противостоять действию повреждающих (иными словами, деструктивных) агентов, сохраняя свою целостность и биологическую индивидуальность. Н. Хомски также развивает идею о том, что язык есть генетически наследуемая субстанция [Chomsky]. Он присущ человеку с рождения, то есть с самого раннего возраста с помощью языка человек способен проникнуть в глубины предшествующего исторического опыта. Однако нельзя воспринимать язык только как нечто «естественное», ведь у каждого человека существует так называемый «Я-язык» (индивидуальный язык, I-language), который способен передать характеристики, присущие конкретному человеку в определенной социокультурной среде. Но поскольку среда агрессивна и деструктивна, то индивид обязан защищать собственный «я-язык».

Мы определим понятие «языковой иммунитет» как способность индивида противостоять речевой деструктивности среды, в том числе иноязычной, сохраняя свою идентичность на основе духовно-нравственной целостности.

Одна из самых главных проблем, которая подтверждает наличие деструктивного характера речевой среды и необходимость развития собственного языкового иммунитета, – это проблема сквернословия и инвективы в современном социокультурном пространстве и, как следствие, в нашей собственной речи.

Занимаясь исследованием феномена деструктивности речевой среды, мы предложили студентам (будущим специалистам с высшим образованием) самостоятельно оценить свой уровень культуры речи, согласно критериям, выделенным Б.Н. Головиным и Е.Н. Ширяевым: логичность, аргументированность речи, соблюдение норм и этики общения. Оказалось,

что 51% студентов оценивают свой уровень культуры речи как «средний», т. е. полагают, что их речь в основном логична и аргументирована, они в целом придерживаются языковых норм и этики общения. Они объясняли это тем, что способны поддержать беседу и вступить в диалог, способны адекватно выразить свою мысль и осознают понятие «языковая норма». 19% респондентов охарактеризовали уровень своей культуры речи как «высокий», поскольку убеждены в логичности и аргументированности своих высказываний, в соблюдении языковых норм и этики общения. В то же время 8% признались в том, что часто используют в речи инвективу, поэтому не могут сказать, что понимают и принимают языковые нормы. 22% также используют сленг и жаргон в повседневной речи, поэтому охарактеризовали уровень своей культуры речи как достаточный.

Отметим факт, что студенты оценили свой уровень культуры речи и как низкий и достаточный (по предложенным нами показателям), не исключаяющим использование сквернословия, сленга. Выяснили, что некоторые студенты не считают свою речь нелогичной, тем более не аргументированной, однако признают, что осознанно нарушают языковые нормы и этику общения, используя ненормативную лексику и сленг. Более того, часть респондентов была убеждена в необходимости и даже пользе табуированных выражений.

Пытаясь разобраться с причинами резкого падения речевой культуры, в том числе в вузовской среде, мы решили узнать мнения самих студентов о девиациях в современной культуре речи. Студенты, указывая на проблему появления в речи даже образованных людей жаргона, сленга и ненормативной лексики, называли различные причины:

- «Людам нужны слова с агрессивным эмоциональным зарядом, чтобы выразить протест против общества и государства» (А.А., математический ф-т).

- «Мат означает принадлежность к классу социально угнетенных» (К.А., философский ф-т).

- «Сленг и ругательства не помогают, они усугубляют ситуацию. Для меня они означают безысходность» (С., филологический ф-т).

Но были и такие мнения, что языковые нормы устарели и требуют пересмотра. В ходе исследования мы выяснили, что 81% респондентов, согласно их собственной оценке, сквернословят «часто» и «иногда».

Пытаясь разобраться с причинами столь частого обращения к ненормативной лексике, мы обнаружили, что более половины респондентов, принимавших участие в опросе (57%), называют СМИ одним из факторов, провоцирующих их на сквернословие. Это подтверждает нашу гипотезу о необходимости развития индивидуального языкового иммунитета

в условиях нарастания источников речевой деструктивности в современной культуре. Развить свой языковой иммунитет может каждый, сформировав критическое отношение к поступающей извне информации и осознавая язык и речь как непреходящие универсальные ценности культуры и социума.

Белкин А. С. Компетентность, профессионализм, мастерство. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2004.

Головин Б. Н. Основы культуры речи. Москва : Высшая школа, 1988.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Санкт-Петербург, 1999.

Реан А. Психология и педагогика. Санкт-Петербург, 2000.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Москва : АСТ, 2004.

Хайдеггер М. Бытие и время. Санкт-Петербург, 2006.

Ширяев, Е. Н. Что такое культура речи // Мы сохраним тебя, русская речь! / Граудина Л. К. [и др.]. Москва, 1995.

Chomsky N. New Horizons in the Study of Language and Mind. Cambridge : Cambridge University Press, 2000.

Davidson, D. Truth, Language and History. Oxford : Clarendon Press, 2005.

Stoneley P. Consumerism and American Girls' Literature. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.